

«Правда» и «закон» в российском правосознании: консервативные и теологические мотивы¹

А.А. Васильев¹, Ю.А. Зеленин²

^{1,2}Алтайский государственный университет

Пр. Социалистический, 68, 656049, г. Барнаул. E-mail: ¹anton_vasiliev@mail.ru; ²uri-zelenin@yandex.ru

В статье анализируется проблема соотношения категорий «правда» и «закон» в российском правосознании. Авторы делают акцент на исследовании данного вопроса преимущественно на примере русской консервативной мысли, обосновывая это тем, что из всех теорий правопонимания лишь консервативная правовая идеология смогла выразить традиционное для российского правосознания восприятие права. Именно консервативные правоведы обратили внимание на то, что сущность права в русской культуре определяется традиционным мировоззрением, сформировавшимся еще в V-IX вв. и продолжающим доминировать в настоящее время. Отмечается, что традиционное российское правосознание, в отличие от европейского, характеризуется такими чертами, как синкретичное единство религиозных, нравственных и правовых принципов, объединяемых идеалом Правды; преобладание внутренней, совестной стороны над внешней, формально-юридической стороной права; отсутствие ощутимого влияния римского права на русскую правовую традицию вплоть до начала XX в.; приоритет идеалов соборности, социального служения и обязанностей; преобладание обычного, неписаного права, выражающего народные идеалы правды, совести, справедливости. Опираясь на труды Илариона, И.С. Пересветова, И.Т. Посошкова, А.С. Хомякова, И.С. и К.С. Аксаковых, И.В. Кириевского, И.А. Ильина, А.И. Солженицына, они приходят к выводу, что традиция различения права и закона, правды (благодати, совести) и формальной юриспруденции глубоко укоренена в русской национальной культуре. Однако неповиновение внешнему, положительному праву оправдывалось консерваторами только при условии духа права – обеспечения религиозно-нравственной правды. Тем более что следование только «букве закона» приводит в конкретных юридических ситуациях к несправедливому и безнравственному правовому решению.

Ключевые слова: право, правда, закон, дух права, консерватизм.

"Truth" and "Law" in Russian Legal Consciousness: Conservative and Theological Motives

A.A. Vasiliev¹, Yu.A. Zelenin²

^{1,2}Altai State University

68 Socialisticheskoy st., 656049, Barnaul. E-mail: ¹anton_vasiliev@mail.ru; ²uri-zelenin@yandex.ru

The article analyses the problem of correlation between the categories of "truth" and "law" in Russian legal consciousness. The authors focus on the study of this issue mainly on the example of Russian conservative thought, justifying it by the fact that of all the theories of legal understanding only conservative legal ideology was able to express the traditional perception of law for the Russian legal consciousness. It was conservative legal scholars who drew attention to the fact that the essence of law in Russian culture is determined by the traditional worldview, which was formed back in the V-IX centuries and continues to dominate at present. It is noted that traditionally Russian legal consciousness in contrast to the European is characterized by such features as syncretistic unity of religious, moral and legal principles, united by the ideal of Pravda; the prevalence of internal, conscientious over external, formal legal side of law; lack of tangible influence of Roman law on the Russian legal tradition to the beginning of XX century. The priority of the ideals of collegiality, social service and duties; the prevalence of customary, unwritten law, expressing the people's ideals of truth, conscience, and justice. Based on

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228 "Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность".

the works of Hilarion, I.S. Peresvetov, I.T. Pososhkov, A.S. Khomyakov, I.S. and K.S. Aksakovs, I.V. Kirievsky, I.A. Ilyin, A.I. Solzhenitsyn, they come to the conclusion that the tradition of distinguishing law and law, pravda (grace, conscience) and formal jurisprudence is deeply rooted in Russian national culture. However, disobedience to external, positive law was justified by conservatives only under the condition of the spirit of law - the provision of religious and moral pravda. Moreover, following the "letter of the law" only leads in specific legal situations to an unjust and immoral legal solution.

Key words: law, truth, positive law, spirit of law, conservatism.

Консерваторы справедливо указывали на уникальность не только русской духовной культуры, но и восприятия русским народом права. В XIX в. И.В. Киреевский точно заметил: «Даже самое слово право было у нас неизвестно в западном смысле, но означало только справедливость, правду» [Киреевский 2007: 335]. Как показали результаты современных исследователей, консерваторы были правы в том, что право в русском сознании связывается с нравственностью, правдой, справедливостью, а не с государством, установленными юридическими правилами поведения [Сорокин 2006]. Фактически из всех теорий правопонимания лишь консервативная правовая идеология смогла выразить традиционное для российского правосознания восприятие права.

К примеру, авторитетный российский специалист по русскому юридическому языку Т.В. Губаева проводит сравнение представлений о праве у европейских народов и славян и замечает: «У христианских народов Европы полностью совпадает словесное обозначение правой стороны тела и права как совокупности юридических норм или эти слова имеют одно значение. Согласно традиционным воззрениям за правым плечом пребывает светлый ангел, за левым – демон... Однако задолго до этого, еще в языческие времена, славянам было известно близкое по содержанию понятие святости, выраженное архаическим корневым элементом svet – процветающий. Так обозначали возрастание, набухание, вспухание, существенное увеличение объема либо иных физических параметров, воспринимавшихся как результат действия особой жизненной силы... Впоследствии идея святости соединилась с христианским образом «всеединства сущего» – Истины, Красоты и Добра... Эти представления, составившие основу всей духовной культуры русской нации, были сформированы в общественном сознании уже к середине XI в. и сосредоточены в главном мировоззренческом концепте «святой правды», или «правды-истины» как особой жизненной позиции и высшим нравственным идеалом поведения» [Губаева 2007: 18-20].

Консервативные правоведы России обратили внимание на то, что сущность права в русской культуре определяется традиционным мировоззрением, формировавшимся еще в V-IX вв. и продолжающим превалировать в XX и XXI вв. Традиционное мировоззрение русского народа, очевидно, отличалось от европейского правосознания рядом черт:

- глубокое, синтетическое, синкретичное единство религиозных, нравственных и правовых принципов, объединяемых идеалом Правды;
- преобладание внутренней, совестной стороны в переживании правды над внешней, формально-юридической стороной права;
- отсутствие ощутимого влияния римского права на русскую правовую традицию вплоть до начала XX в. (лишь отдельные нормы и институты проникали в русское право через византийское право и то лишь в области церковного права). Так, В.А. Томсинов, анализируя влияние византийской традиции на русское право, констатирует: «... степень влияния правового наследия Византии на древнерусскую юриспруденцию была весьма ограниченной. Ее черты определялись в большей мере условиями экономического, политического и культурного развития Древней Руси, особенностями общественного сознания русского народа» [Томсинов 2009: 26];
- приоритет идеалов соборности, социального служения и обязанностей, отчасти обусловленных отсутствием частной собственности вплоть до конца XX в., господством крестьянской общины и хозяйства, служением всех сословий государству;
- преобладание обычного, неписаного права, выражающего народные идеалы правды, совести, справедливости.

Нравственность, справедливость или, по словам консерваторов, «внутренняя правда», «совесть», «внутренний закон», «интуитивное право» преобладают в русском сознании над законом, юридическими нормами – внешней правдой. Консерваторы не смешивают нравственные идеалы и формальное, государством установленное право. По их мнению, внутренняя правда, живущая в сознании русского человека, — это высшие духовные ценности, которым человек покоряется по зову сердца и совести без внешнего принуждения со стороны государства. Идеал для консерваторов состоит в нравственном возвышении души человека по православным заповедям любви к людям, а не обеспечении собственной свободы при помощи государственного закона. В начале XVIII в. в «Книге о скудости и богатстве» И.Т. Посошков отмечал: «Паче вещественного богатства надлежит всем нам вместе печься о невещественно богатстве, то есть об истинной правде; правде – отец Бог, и правда умножает богатство и славу, и от смерти избавляет; а неправде отец дьявол, и неправда не только обогащает, но и древнее богатство умяляет, и в нищету приводит, и смерть наводит» [Посошков 1842: 26].

Для охранителей важно состояние человеческой души, а не внешнее соблюдение закона. Православное учение консерваторов исходит из постулата о том, что в своем духовном мире человек делает выбор в пользу добра или зла. Его поведение – результат нравственного выбора. Поэтому консерваторы смотрят в корень – душу человека, его нравственное состояние, а не только на внешние последствия человеческого поведения.

К.С. Аксаков по этому поводу писал: «Закон нравственный, внутренний требует, прежде всего, чтобы человек был нравственный и чтобы поступок истекал, как свободное следствие его нравственного достоинства, без чего поступок теряет цену. Закон формальный или внешний требует, чтобы поступок был нравственный по понятиям закона, вовсе не заботясь, нравственный ли сам человек, и откуда истекает его

поступок. Его цель – устроить такой совершенный порядок вещей, чтобы душа оказалась не нужна человеку, чтобы и без нее люди поступали нравственно и были бы прекрасные люди... и общество бы благоденствовало. Внешняя правда требует внешней нравственности и употребляет внешние средства» [Аксаков 1889: 56].

Иными словами, внешней правде безразлично состояние души человека, единственное, что необходимо от человека – соблюдение закона. Мотивы подчинения закону для внешней правды не имеют никакого значения – из-за страха перед наказанием, боязни общественного суждения и т. п. По этой причине соответствующим законом является конформистское и маргинальное поведение, а также те поступки человека, которые социально вредны, но допустимы (курение, употребление алкоголя и т. п.). Человек может быть внутренне безнравственным, хотя и действующим в соответствии с юридическими нормами. Как только ослабевает контроль в отношении такого человека, его порочная душа вырывается на волю в виде нарушений права.

Для консерваторов немыслимо, чтобы жизнь человека зависела от действия принудительного закона. Формализм и принудительность разрушают естественность и органичность общественного мира. Не может система принудительных правил быть идеалом порядка в обществе. Общество, основанное на принуждении людей к добру, очень хрупко и может рухнуть под гнетом порока и зла. Власть и общество, равнодушные к нравственности, недолговечны и, рано или поздно, разрушаются. Традиционалистские мыслители призывали к нравственному совершенствованию человека, духовному лечению общественных недугов, помочь которым принуждение и законы бессильны. Закон слаб в смысле нравственного воспитания человека и всегда борется с имеющимися последствиями преступления. Нравственность человека самоограничивает и возвышает его над миром тлена и зла. По словам П.И. Новгородцева, писавшего о фундаментальных основах русской философии права, «высший идеал общественных отношений есть внутреннее свободное единство всех людей, единство, достигнутое не принуждением и внешним авторитетом, а только Законом Христовым, когда он станет внутренней природой человека» [Новгородцев 1998: 510].

Из традиционалистской концепции права вытекают два не потерявших значения до нашего времени вывода. Во-первых, русская культура отдает приоритет внутренней правде – нравственным идеалам, а закону (внешней правде) придает подчиненное положение. Во-вторых, из учения консерваторов вытекает удивительно верная мысль о том, что нравственной личности нет надобности в формальном законе. Поэтому духовно добродетельные люди отвергают какое-либо значение закона в своей жизни, не видят в нем ценности. Закон создан для духовно слабых людей, не способных жить по нравственным заветам добра и справедливости. Этих людей закон удерживает от совершения зла другим членам общества. Вследствие чего консерваторы отводят внешней правде роль борьбы со злом безнравственных людей, но не самодовлеющего принципа общественной жизни.

Превращение закона в превалирующий социальный регулятор консерваторами рассматривалось как признак деградации общественной нравственности, социальной аномалии, поскольку единственным средством сдерживания зла и преступлений становится сила государственного принуждения. Однако такое социальное устройство обречено на тотальную подозрительность, взаимное недоверие, контроль и вырождение. Более того, при ослаблении контроля со стороны власти общество поражает язва преступности и насилия. Наконец, объективно невозможно обеспечить тотальный контроль за поведением человека.

Отечественные консерваторы видели альтернативу в построении общества с опорой на религиозные и нравственные традиции, свободно принимаемые совестью человека. При таком подходе путь оздоровления общества лежит в сфере воспитания, нравственного развития личности, общественной и государственной заботе о культуре и нравственном здоровье граждан. Закону же уготована роль крайнего средства в борьбе с безнравственностью людей, где уже не срабатывает совесть и религиозно-нравственные требования.

К примеру, А.И. Солженицын идеальный общественный строй связывал не с совершенствованием общественных и государственных институтов, а с укоренением в национальном самосознании, и даже сознании всего человечества христианской идеи самоограничения – свободного, добровольного ограничения своих потребностей и желаний ради совместной, соборной жизни. Другого пути у человечества для выживания и самосохранения нет, поскольку идея индивидуализма и прав человека постепенно приведет к социальной и природной катастрофе. А.И. Солженицын так сформулировал принцип совершенной личности и идеального общества: «Права человека» – это очень хорошо, но как бы нам самим следить, чтобы наши права не поширились за счет прав других? Общество необузданных прав не может устоять в испытаниях. Если мы не хотим над собой насильственной власти – каждый должен обуздывать и сам себя. Никакие конституции, законы и голосования сами по себе не сбалансируют общества, ибо людям свойственно настойчиво преследовать свои интересы. Большинство, если имеет власть расширяться и хватать – то именно так и делает. (Это и губило все правящие классы и группы истории.) Устойчивое общество может быть достигнуто не на равенстве сопротивлений – но на сознательном самоограничении: на том, что мы всегда обязаны уступать нравственной справедливости» [Солженицын 1995: 568].

Традиция различения права и закона, правды (благодати, совести) и формальной юриспруденции глубоко укоренена в русской национальной культуре. Испокон веков идеалом русской культуры выступала идея правды – нравственного развития личности. Так, еще в XI в. Киевский митрополит Иларион различал закон и благодать (истину, веру, правду). В соотношении Закона и Благодати проявляется традиционное для русского мировоззрения противопоставление закона и справедливости, правды. Закон обеспечивает принудительное подчинение религиозно-нравственным императивам, а Благодать воспринимается свободной совестью человека добровольно. Однако закон ценен для нравственно слабых людей, которые удерживаются от зла. Иларион подчеркивает традиционный смысл закона как религиозного, писаного канона, который принуждает человека к соблюдению веры страхом перед возможным наказанием. По словам Илариона «Бог положил Закон на предуготовление истине и Благодати; да обвыкнет в нем человеческое естество, от многобожия идольского уклоняясь, в единого Бога веровать. Как сосуд скверный, омовенный водой да примет человечество Законом и обрезанием млеко Благодати и крещения; Ибо Закон предтечей стал и слугой Благодати и Истине, истина же и Благодать – слуга веку будущему, жизни нетленной. Как Закон приводил

подзаконных к благодетельному крещению, так крещение сынов своих впускает в вечную жизнь. Ведь Моисей и пророки поведали о Христовом пришествии поведали, а Христос и апостолы его – о воскресении и о будущем веке» [Иларион 2005: 5]. *В трактовке Илариона закон был необходим для того, чтобы люди, отвергнув языческих Богов, постепенно путем внешнего исполнения заветов Священного Писания усмирили свой дух для принятия высшей истины – Благодати. Закон (Ветхий Завет) требовал формального следования заветам божественной истины, за что и влек внешние наказания. Но высшее состояние общества и духа по Илариону – это свободное принятие христианских начал любви, свободы, сострадания и жертвенности, т.е. принятие правды, благодати духа.*

Российские традиционалисты выступали против формального следования закону, которое обесценивает смысл, дух права – правды. Действие права означает не слепое и бездумное воплощение в жизнь буквы закона, ритуалов и процедур, а осуществление духа права, правды. В этом контексте интересно сопоставление веры-обряда и веры-правды, истины И.С. Пересветовым, мыслителем XVI в. В уста молдавскому воеводе Петру по поводу Москвы И.С. Пересветов вкладывает следующие слова: «"А есть ли в этом царстве правда?" А служи у него московитянин Васья Мерцалов, и он спросил того: "Все ты знаешь о царстве том Московском, скажи мне истинно!" И стал тот говорить Петру, молдавскому воеводе: "Вера, государь, христианская добра, во всем совершенна, и красота церковная велика, а правды нет". Тогда Петр, молдавский воевода, заплакал и так сказал: "Коли правды нет, так ничего нет... Христос есть истинная правда, ярче солнца освящает он всю небесную высоту и земную ширину и бесчисленные глубины преисподние. Поклонились ему все племена небесные, земные и преисподние, все восхвалили и восславили имя его святое, ибо свят Господь наш Бог, силен и крепок, и бессмертен, велик христианский Бог, и чудесны дела его, долготерпелив и многомилостив. В каком царстве правда, там и Бог пребывает, и не поднимается Божий гнев на это царство. Ничего нет сильнее правды в божественном Писании. Богу правда – сердечная радость, а царю – великая мудрость и сила"» [Пересветов 1956: 124].

Соотношение нравственности и формального права (государственного закона), традиционное для русской политико-правовой мысли, основывается на следующих началах.

1. Необходимость следования нравственной добродетели вытекает из православного идеала единства и любви людей, свободно принимающего единые нравственные и юридические предписания. Закон же основан исключительно на авторитете власти и возможном применении принуждения к нарушителям. Так, А.С. Хомяков писал: «Русской земле была чужда идея какой бы то ни было отвлеченной правды, не истекающей из правды христианской, или идея правды, противоречащей чувству любви» [Хомяков 1900: 164].

2. Внутренняя правда обращена к духовному миру человека, а внешняя правда имеет дело преимущественно с поступками человека, следствием нравственных идеалов личности.

3. Внутренняя правда выражается в самоограничении человека, несении им моральных обязанностей перед обществом, долге. Внешняя правда выражается в правах и обязанностях, навязанных извне человеку государственной властью. А.С. Хомяков заметил: «Для того чтобы сила сделалась правом, надобно, чтобы она получила свои границы от закона, не закона внешнего, который опять нечто иное, как сила, но от закона внутреннего, признанного самим человеком. Этот признанный закон есть признаваемая им нравственная обязанность. Она, и только она, дает силам человека значение права» [Хомяков 2008: 560].

4. Мерило поведения с точки зрения внутренней правды – человеческая совесть, которая внутренне подчиняет волю человека нравственным идеалам и тем самым приводит к совершению поступков по доброй воле, а не внешней необходимости. Внешняя правда, напротив, безразлична к вопросам нравственного выбора, и ее реализация всецело зависит от механизма государственного принуждения. Для консерваторов покорность, даваемая силой государства, – ложь, духовный обман. Принуждение умерщвляет внутреннюю свободу и выбор человека. Человек, подчиненный закону, духовно не свободен – он не делает осознанного нравственного выбора.

5. Внутренняя правда – духовно-нравственный регулятор поведения для нравственных людей, способных испытать муки совести. Внешний же закон создан для недопущения и борьбы со злом порочных людей, не способных услышать голос совести в своей груди.

Соотношение права и нравственности в трактовке консерваторов верно выразил о. Г. Флоровский: «Если для человеческого поведения единственным и решающим регулятивом служит им воспринимаемая норма религиозного или нравственного закона, которая непосредственно внушает образ действия в каждом отдельном случае, – то сама собою отпадает юридическая регламентация жизни общеобязательными законами и постановлениями» [Флоровский 1998: 40].

Совестное переживание права обеспечивает жизнь духа, смысла Права, гарантирует порядок, мир, справедливость без затрат государственного механизма и применения всегда негативного узаконенного насилия к правонарушителям. Совестный акт в сфере права означает соотношение поступков человека с высшими, нравственно-правовыми императивами, когда действие определяется не одним только разумом и чувством пользы, но и внутренним чувством – интуицией, озарением, действием гласа Божия в человеке. В.В. Сорокин так описал механизм действия совести в правовой сфере: «Совесть есть внутренний духовно-нравственный закон человека, позволяющий ему уважать право без внешнего полицейского понуждения. Совесть является особой формой

выражения таких основополагающих понятий православного христианства, как любовь к ближним, нестяжательство, добротолубие, справедливость... Как внутреннее Божественное состояние, совесть неподкупна, с ней нельзя договориться. После совершения дурного дела, совесть немедленно мучает и карает человека, преступившего правовой запрет. Добрая совесть – глаз Божий, говорится в русской пословице» [Сорокин 2009: 3].

Конечно, легко упрекнуть консерваторов в нравственном идеализме, как это делал, к примеру, Н.В. Устрялов в отношении славянофилов. Действительно трудно представить себе нравственно сильную личность, вписывающуюся в идеалы консерваторов. Однако еще более ущербно полагаться на закон и меры

полицейского контроля в обеспечении общественного мира и порядка. На наш взгляд, верно консерваторы связывали общественный идеал с духовно-нравственным состоянием человека, который не мечом государственным, а своим нравственным долгом заботится об общественном благе, жертвуя собой ради других. Дальновидность консервативной концепции права подтверждается парадоксальной тенденцией в развитии права в современную эпоху – при росте юридического начала в жизни общества преступность не только не снижается, а продолжает расти. Наличие государственного контроля и суровых мер наказания не ведет напрямую к обеспечению порядка и правомерному поведению. По словам В.В. Сорокина, «после отрицания Бога как источника Права, когда личность принимает самодостаточное значение, нравственный идеал получает характер субъективного, преходящего социального фактора. Для того чтобы обуздать все возрастающую гордыню «нового человека», видящего в самом себе и цель, и смысл исторического развития, приходится прибегать к сдерживающим элементам (формально-определенному закону), которые в обществе христиан тоже существуют, но играют менее значимую роль» [Сорокин 2007: 112].

С непреложной необходимостью нравственный идеал консерваторов предполагает, что закон должен соответствовать нравственности, выражать ее духовные начала справедливости и добра. Так, вполне современны и поучительны для юристов рассуждения И.С. Аксакова: «Нам говорят, что для юриста повиновение закону (безразлично, хорошему или дурному) есть такая же аксиома, как дважды два четыре для математика. Но, повиновение закону, как житейская аксиома, по нашему мнению, вовсе не входит в круг ученых соображений юристов, ни в круг «истин науки – права». Для юриста, напротив того, важно свободное отношение жизни к закону, его исполнимость или неисполнимость, его соответствие или несоответствие с временным уровнем общественной нравственности, его содержание, а не сигнатура. Закон не есть непреложная истина, не есть какое-то непогрешимое изречение оракула, не подверженное изменениям: он имеет значение ограниченное и временное, и бессмыслен закон, носящий в себе притязание уловить в свои тесные рамки свободную силу постоянно творящей и разрушающей жизни! Самое «право» не есть нечто само для себя и по себе существующее: неспособное выразить полноты жизни и правды, оно должно вестись свои пределы и находиться, так сказать, в подчиненном отношении к жизни и в идее высшей нравственной справедливости. Читатели, конечно, не выведут из наших слов заключения, что мы проповедуем неуважение к закону или «анархию». Повиновение законам, без сомнения, желательно, но юрист не есть официальный блюститель благочиния, надзирающий за непременным практическим исполнением законов со стороны общества: он относится к ним критически, он не проповедует неповиновения, но отмечает его и принимает в соображение, как поучительный свершившийся факт. Впрочем, мы должны признаться, надо было бы иметь много отвлеченности в своем развитии, чтобы на практике, в жизни, приводить в исполнение или требовать безусловного исполнения всякого закона, противоречащего безусловного исполнения всякого, противоречащего совести и нравственным человеческим требованиям... если бы можно предположить существование такого закона» [Аксаков 2008: 110-111].

Иными словами, для консерваторов очевиден выбор в случае противоречия права и нравственности в пользу духовно-нравственных ценностей. Консерваторы готовы отвергнуть закон, нарушающий нравственные постулаты. Главное для них – сохранить духовную добродетель в сердце, пусть и ценой нарушения закона. Так, в случае необходимости помощи немощным и слабым людям возможно отступление от юридических норм. Причем формальное нарушение закона человеком, преследующим достижение цели, духа права охранителями понималось как правомерное поведение, за которое не должно следовать осуждение и наказание. С целью оценки такого, основанного на духе права, поведения и необходима опора правоприменителя на собственное убеждение, чувство совести. Справедливо И.А. Ильин замечал: «Так, именно правосознание, созерцающее цель права и осуществляющее в себе акт правовой совести, способно к тому индивидуализирующему усмотрению при применении права, которое должно основываться на подлинной и предметной, правовой интуиции и не позволять, чтобы *summum jus* превращалась в *summum iniuria*. Именно такое правосознание сумеет найти правый выход из необходимости повиноваться неправому праву и невозможности правомерно преобразить его неправоту» [Ильин 1994: 234].

Неповиновение внешнему, положительному праву оправдывалось консерваторами только при условии соблюдения смысла, цели права – обеспечения религиозно-нравственной правды, тем более что одно лишь формальное следование предписаниям закона чревато тем, что в конкретных юридических ситуациях правовое решение окажется несправедливым и безнравственным. Отказ в следовании закону в такой ситуации должен быть связан с невозможностью изменить несправедливое предписание нормы права путем правомерного правотворчества.

Литература

- Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. М., 2008.
Аксаков К.С. Собрание сочинений. Т.1. М., 1889.
Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2007.
Иларион Слово о Законе и Благодати / Первые книги Святой Руси. М., 2005.
Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М., 1994.
Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М., 2007.
Новгородцев П.И. История философии права. СПб., 1998.
Пересветов И.С. Сочинения. М.-Л., 1956.
Посошков И.Т. Сочинения. М., 1842.
Солженицын А. И. Публицистика: В 3 т. Т. 1. Ярославль, 1995.
Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2006.

- Сорокин В.В. Понятие совести в правовом измерении / История государства и права. –2009. – № 21. – С. 2-6.
- Томсинов В.А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии / Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право. – 2009. – № 4. – С. 3-26.
- Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. М., 1998.
- Хомяков А.С. Всемирная задача России. М., 2008.
- Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. I. М., 1900.

References

- Aksakov, K.S. (1889). Collected Works. VOL.I. Moscow (in Russian).
- Aksakov, I.S. (2008). Our banner is the Russian nationality. Moscow (in Russian).
- Florovsky, G.V. (1998). From the Past of Russian Thought. Moscow (in Russian).
- Gubaeva, T.V.(2007). Language and law. Art of the word in professional jurisprudence. Moscow (in Russian).
- Hilarion (2005). Sermon on Law and Grace. The First Books of Holy Russia. Moscow (in Russian).
- Ilyin, I.A. (1994). Collected Works: In 10 vols. T. 4. Moscow (in Russian).
- Khomyakov, A.S. (1990). Complete Works. VOL. I. Moscow (in Russian).
- Khomyakov, A.S. (2008). The world task of Russia. Moscow (in Russian).
- Kireyevsky, I.V. (2007). Spiritual Foundations of Russian Life. Moscow (in Russian).
- Novgorodtsev, P.I. (1998). History of Philosophy of Law. St. Petersburg. (in Russian).
- Peresvetov, I.S. (1956). Works. Moscow (in Russian).
- Pososhkov, I.T. (1842). Works. Moscow (in Russian).
- Solzhenitsyn, A. I. (1995). Publicism: In 3 vols. T. 1. Yaroslavl (in Russian).
- Sorokin, V.V. (2006). The Concept and Essence of Law in the Spiritual Culture of Russia. Moscow (in Russian).
- Sorokin, V.V. (2009). The concept of conscience in the legal dimension. History of State and Law, 21, 2-6 (in Russian).
- Tomsinov, V.A. (2009). Jurisprudence of Ancient Russia and the legal culture of Byzantium. Vestnik of Moscow University. Series 11. Law, 4, 3-26 (in Russian).

Citation:

- Васильев А.А., Зеленин Ю.А. «Правда» и «закон» в российском правосознании: консервативные и теологические мотивы // Юрислингвистика. – 2022. – 23. – С. 5-10.
- Vasiliev, A.A., Zelenin Yu.A. (2022). "Truth" and "Law" in Russian Legal Consciousness: Conservative and Theological Motives. Legal Linguistics, 23, 5-10.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
